

Метафорика любви

(Эта лекция была прочитана Г.С.Померанцем совместно с
З.А.Миркиной)

По словам Гете, "все приходящее только подобие". Каждый миг в пространстве и во времени может стать образом целостного и вечного.

Условие только одно – этот миг должен быть напряженно пережит. Потому что напряженные человеческие чувства могут стать образцом переживания целостного и вечного, и потому во всякой культуре, за исключением, может быть, китайской, огромную роль играет эротическая метафора. То есть не только метафора земной любви как подобие отношения к вечному, но именно любви мужчины и женщины, потому что она обычно принимает наиболее страстные, напряженные формы. Прежде всего, подобно любви в мистическом смысле слова: то, что многие переживают как влюбленность.

Слово "влюбленность" имеет разное значение в зависимости от того, чему оно противопоставляется. Она, влюбленность, может противопоставляться любви в более глубоком, устойчивом своем бытии. Потому что влюбленность – это состояние во времени, которое уступает место чему-то другому: или устойчивой любви, или привычке. В этом противопоставлении влюбленность – то, над чем смеются боги. Помните: "над клятвами влюбленных смеются боги"? И ценностное достоинство в этом сопоставлении принадлежит любви как чему-то сбывшемуся в противоположность обещанию влюбленности, которое очень часто не сбывается. С другой стороны, во влюбленности, именно потому, что она – обещание, еще нет всех искушений пола. Как сказал один французский поэт: «Моя любовь всегда была в бронзовых одеждах». Что он хотел сказать этой метафорой? То, что, когда он влюблен, он воспринимал плоть только как оболочку души, духа. Собственно, в каждой настоящей любви есть влечение двух душ. Сами души, мужские и женские, разные, но они дополняют друг друга, и только в счастливом сочетании они дают ту полноту жизни, которая возможна на земле. Но когда мужчина и женщина сближаются, их любовь подвергается серьезному искушению. Кто-то из французских прозаиков сказал, что "самое большое препятствие в любви – это когда препятствия исчезают." Во влюбленности всегда есть обещание союза двух душ, иногда это может быть обещанием счастья, иногда это ложное обещание, потому что влюбленный придумывает душу, которая существует только в его воображении, накручивается на облик любимой, как на манекен. У Гофмана есть об этом новелла: студент влюбился в автомат, умевший произносить несколько слов, но прекрасный образ заставил предположить душу, которой в автомате не было. Во всяком случае, в обещании, в воображении – это любовь к душе, это не чистый порыв пола, это что-то другое, большее. Но во влюбленности господствует сердце, и это сердечное чувство создает исключительность любви, потому что половое влечение может быть направлено на любую женщину и любого мужчину. Только любовь создает чувство, о котором говорит пословица "только и свету, что в его окошечке" или "в ее окошечке"; то есть образ возлюбленного или взлюбленной становится как бы живой иконой, воплощением всего смысла жизни. Этот переход земного, очень напряженного сердечного чувства в чувство, подобное религиозному и сливающееся с религиозным, очень хорошо передал А.С.Пушкин: "...Благоговея богомольно перед святыней красоты". И это не просто украшение чувства – это действительно пережитое поэтом тождество влюбленности с религиозным чувством. Или в другом, более знаменитом стихотворении, когда снова является потерянная возлюбленная, то возвращаются "и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь." С другой стороны, бедный рыцарь Пушкина влюбляется в мать Божию почти так, как можно влюбиться в женщину:

**Путешествуя в Женеву,
По дороге у креста
Видел он Марию Деву,
Матерь господа Христа.
С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел,-**

как всякий влюбленный, он любит только одну. Это взаимное обогащение чувства земного и чувства сакрального. Я не хочу пользоваться словами "земного" и "небесного", потому что и то, и другое происходит на земле примерно три тысячи лет. Это возраст одного текста из Библии, приписанного царю Соломону "Песни песней": "...ибо крепка, как смерть, любовь, люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее – стрелы огненные; она – пламень весьма сильный." На этот текст сказал одну из самых вдохновенных своих проповедей Мейстер Экхарт. Почему эти любовные песни вошли в Библию? Возможно их аллегорическое толкование, которое прямо вводит в контекст того или иного вероисповедания. Раввины учат, что жених – это мессия, а невеста – это народ еврейский. Священники учат, что жених – это Христос, а невеста – это церковь. Но когда "Песнь Песней" была включена в Библию, эти идеи еще не возникли. "Песнь Песней" была включена по какой-то другой причине, вероятно, просто по своей сути; по той напряженности чувства, о которой сказано: "Стрелы ее – стрелы огненные, она – пламень весьма сильный". "Все преходящее только подобие", но все может стать метафорой, подобием высшего опыта – подобием целостного и вечного.

Исторически первым путем во многих культурах был путь освобождения, отрешенности от всего земного, от всего суетного, чтобы пережить вечность и целостность, как некую чистую реальность. Впрочем, сказав "исторически", я, может быть, допустил неточность: раньше это существовало в одном клубке примитивных культур, а потом уже выделились и философски оформились разные духовные пути. Путь к целостному и вечному через освобождение от всего временного, через создание пустоты сосуда, который уже потом наполнится этим целостным и вечным, отчетливо сформулировался еще до Рождества Христова. Другим путем стало восприятие целостного и вечного через высшую напряженность любви, подобно мирской любви, в которой каждое "я" встречает в совершенстве, в своей полноте небесное "ты", не важно, будет ли это "ты" в зримом или незримом образе. Больше того, любовь становится одним из имен Бога, как это стало в христианстве. Отрешенность как путь к вечности нашла свое наиболее полное выражение в буддизме. Любовь как путь к Богу стала господствующим путем на переломе от древности к средним векам, от времени до Рождества Христова ко времени после Рождества Христова. Религиозная философия, участвующая в развитии человечества, помогавшая очистить душу от всего суетного, вырвала личность из рода еще до того, как личность стала личностью. Когда же личность себя осознала, тогда господствующей формой переживания целостного и вечного стала любовь.

Отчетливей всего это видно в Индии двухтысячелетней давности, может быть, двух с половиной или трехтысячелетней. В так называемое осевое время, в первое тысячелетие до Рождества Христова, было принято считать законным три религиозных пути: Карма-марга, Джняна-марга и Йога-марга. (Марга – это путь). Карма-марга – это путь отцов: делай то, что делали твои предки, исполняй свой кастовый долг, совершай те обряды, которые совершали твои прадеды и прапрадеды. Джняна-марга – это путь мистической медитации над текстами, в которой отразился чей-то личностный, но выраженный в безличной форме мистический опыт.

Например, "ты – это то" или "не это, не это". Такие тексты, мантры, становились объектом медитации. И созерцание их, вдумывание в них стало одним из путей к вечности. Йога-марга – это тренировка душевных и физических сил для того, чтобы сделать их более доступными для глубинного опыта. Оба эти пути, возникшие после Карма-марги, включают личное усилие. Но собственное, личное отчетливо никак не выражено, оно присутствует незримо, как дух, ни в

чем не воплощается. Примерно на переходе к нашей эре возник четвертый путь, Бхакти-марга, то есть путь любви страстной, беззаветной личной любви к личностному воплощению божественного начала, что в христианстве есть вторая ипостась – Иисус Христос. В Индии могут быть разные воплощения Вишну и Шивы. Это культ безумного, страстного чувства. Обычно последователи бхакти, то есть страстные почитатели Божества описывают то, что они переживают, как чувство девушки к своему возлюбленному: именно девушки, потому что женщина эмоциональнее мужчины, ее чувства более иррациональны. Бхакти принимает иногда совершенно иррациональные формы, но его сопровождает эротическая метафора. Бог – это мужчина, а душа бхакти – девушка, мечтающая о встрече со своим женихом. В стихотворении замечательного поэта 15-16 столетий Кабира, нечаянно заложившего основу сикхизма, – он об этом не думал, из его стихотворений потом сложили священную книгу, – сказано, что ты испытываешь блаженство в любви, но перед этим ты испытываешь боль, – для него метафорой мистического чувства были переживания девушки, которая в объятиях жениха прощается с девственностью и испытывает от этого чисто физическую боль.

Надо сказать, что все остальные культуры, использующие эротическую метафору, как правило, избегают последних шагов любви. Говорится о женихе небесном, о невестах Христовых, о мистическом браке, но в христианской культуре, даже в самых страстных формах почитания Девы Марии нет прямого описания половой близости. В Индии это есть. Там как метафора мистического переживания любовь берется во всех ее воплощениях, вплоть до последнего. В этом контексте возможны были такие случаи, когда стихотворение, написанное просто как эротическое, осознавалось мистиком как стихотворение религиозное. Это случилось с поэтом Видьяпати (14-15 век), его стихи стали религиозным гимном бенгальского Бхакти. Началось это с того, что один замечательный мистик 16 века, Чайтанья, пережил одно из стихотворений Видьяпати как поразившую его метафору мистического экстаза. Но исследование показало, что Видьяпати, живший на двести лет раньше, ничего подобного не имел в виду, он был придворным поэтом и описывал эротическую ситуацию из придворной жизни. Конечно, можно сказать, – к этому нас толкает наука 20 века, – что эротическая метафора в религии – это просто сублимация эротического чувства, которая есть его реальная основа, но это неверно. Я УБЕЖДЕН, ЧТО ЖЕЛАНИЕ ВЫРВАТЬСЯ ИЗ СМЕРТНОСТИ, ПЕРЕЖИТЬ РЕАЛЬНОСТЬ БЕССМЕРТНОГО И ВЕЧНОГО НЕ МЕНЕЕ СИЛЬНО, ЧЕМ ПОЛОВОЕ ЧУВСТВО. И поэтому Чайтанья, в известной мере, жил в мире большей реальности, чем поэт, написавший эротическое стихотворение. Он просто досмотрел до конца и до глубины то, что поэт сам не создавал, когда написал такое стихотворение. Любовь – одно из имен того "пламени без дыма" (это тоже метафора, но приходится одну метафору пояснять другой метафорой), которое горит в сердце, прикоснувшись к вечности. И Царство любви больше царства пола, но оно захватывает и это царство. Только в переключке этого мирского и сакрального сакральное чувство приобретает полноту языка, мирское приобретает глубину.

О работе любви надо поэтому говорить специально.

ЗИНАИДА МИРКИНА: "Работа любви" – это термин Рильке. Он придавал сочетанию этих двух слов большое значение, потому что жизнь – это есть, по-настоящему, работа любви. Любовь не как принятие только даров, а как участие в творчестве жизни. Работа любви... Что это такое? Это и есть божественная работа Творца, Творца Вселенной. Это работа высекания бытия из небытия, как огня из кремня. Это та таинственная работа, благодаря которой на земле существует жизнь.

Богословы говорят: Бог есть Любовь. Исписаны целые тома в подтверждение этих слов и, наверное, столько же в опровержение: также, как в доказательство и опровержение бытия Божия. А что, если отвлечься от этого, не подтверждать и не опровергать, согласиться на то,

что о Тайне жизни, ее первопричине мы не знаем ничего? Мы не знаем, что любовь она или ненависть, добро или зло. Мы знаем только, что она – первопричина жизни. И все.

А не довольно ли с нас?

...Разумом и пятью чувствами этого узнать нельзя. Ибо все пять чувств и разум ограничены смертью. Они смертны. Но сердце знает что-то большее, чем все пять чувств (хотя часто знает благодаря им, через них). И чем глубже сердце живет, тем больше оно знает.

Сердце знает особым образом – вмещая. Только вмещая внутрь себя, оно узнает. Глаз, ухо, рот могут заметить, отведать – и все-таки остаться жить отдельно от познаваемого предмета. Сердце, чтобы действительно понять, должно слиться с познаваемым, не чувствовать себя отдельно от него. А это можно только в любви. А работа любви есть великая работа расширения и углубления сердца.

Тут мы вернемся к старой богословской истине: "Бог есть Любовь". Откуда это известно? Да оттуда же, откуда мы узнаем о существовании безграничного, бессмертного начала нашего, – изнутри.

Все вопросы, направленные вовне, куда-то, кому-то: любит ли нас Бог, добр ли он, почему он допускает страдание, если он добр, как о Нем говорят, – все эти вопросы праздны.

Не праздные вопросы – те, которые направлены не вовне, а внутрь, - в собственное сердце. Это оно должно знать о качествах Бога. Сколько вместило, столько узнало. Но если оно вместило жизнь, если оно задохнулось от красоты и любви, то спросим его, бывает ли любовь большая, чем та, которая одаривает нас жизнью? Не есть ли это мерило любви, ее высший предел?

ТО ЕСТЬ ТО, ЧТО ОДАРИВАЕТ НАС ЖИЗНЬЮ, И ЕСТЬ ПОЛНОМЕРНАЯ ЛЮБОВЬ. ВСЯКАЯ ДРУГАЯ ЛЮБОВЬ – НЕДОМЕРОК.

Но мы так привыкли к дару жизни, так привыкли к чуду, что совсем не ощущаем его чудом. Чудо – это что-то необыкновенное, не встречающееся на каждом шагу. Одни в него верят, другие – нет. **НО ДЛЯ ТЕХ И ДЛЯ ДРУГИХ НЕ ЖИЗНЬ ЕСТЬ ЧУДО, А ЧУДО ЕСТЬ В ЖИЗНИ.** Или его нет в жизни. Жизнь – жизнь, а чудо – это чудо. Идеалисты, материалисты, теисты, атеисты могут сколько угодно спорить о возможности либо невозможности чудес в жизни. Но для истинно религиозного сознания вопрос ставится иначе. Для такого сознания чудо заключается внутри жизни. И чудо жизни есть дар величайшей любви. Собственно, **ЧУДО, ЛЮБОВЬ И ЖИЗНЬ ЕСТЬ СИНОНИМЫ. ЧУДО И ЛЮБОВЬ СУТЬ ДРУГИЕ ИМЕНА ЖИЗНИ.**

Г.С.Померанц: Путь к Богу через углубление и очищение любви, любви возлюбленного к возлюбленной, особенно характерен для одного из течений ислама – для суфизма. Первоначально ислам был простой религией, я бы сказал, что это был монотеизм для кочевников. Он отбрасывал ряд тонкостей, в частности, решительно отбрасывал понятие "ипостаси", а, следовательно, и второй ипостаси. Логика его была очень проста. Если Бог един, то ничего другого и нет, кроме Бога, других форм нет. Бог от человека отделен раз и навсегда. Человек может и должен выполнять только то, что Бог велел, и то, что записано в Коране. Но когда мусульмане, завоевав обширные территории на Ближнем Востоке, столкнулись с утонченной городской культурой, они увидели аскетов, ведущих жизнь кочевникам непонятную, находящихся какую-то сладость в посте, в молитве. Мусульмане стали присматриваться к их мистическому опыту. И вот, из этого присматривания родился суфизм. У порога суфизма стоит женщина, которую звали Рабийя. Она была рабыней, танцовщицей, и

отдавалась тем, кому хозяин ее отдавал. Сохранилось такое двустишие:

**Все влекутся к моему телу,
Никому не нужна моя душа.**

Но постепенно люди обратили внимание на то, что она в высокой степени способна к экстатическому состоянию транса, в котором она переживала что-то совершенно непонятное. Рабийя стала свободной, ее окружили почитанием. Один раз ее спросили: "Что ты видела в раю?" Потому что она соответствовала представлению о человеке, побывавшем в раю и вернувшемся оттуда. Вопрос содержал любопытство: какие там ручейки, кущи и так далее. Рабийя ответила: "Когда приходят в дом, смотрят на хозяина, а не на утварь". Это значит, что в ее чувстве не было никакой предметности, заполняющей обычно представление о райском блаженстве. Она просто переживала ЦЕЛОСТНОСТЬ БЫТИЯ. Одним из самых замечательных первых суфиев был Ал-Халадж, что значит "чесальщик". Имя его показывает, что он стоял невысоко по своему общественному положению, но это был человек, озаренный в мистическом смысле. В отличие от Рабийи, не пытавшейся создать никакой теории, Ал-Халадж делал попытки как-то описать свое состояние. И это состояние единства с Богом он смело определил словами: "Я – истина". В сущности, это не более смело, чем слова: "Я и Отец – одно". А последствия были примерно те же. Ал-Халаджа схватили, обвинили в кощунственных высказываниях. В частности, его спросили: "Имеет ли смысл хадж – путешествие в Мекку, где обходили вокруг черного камня?" Ал-Халадж ответил: "Обойди вокруг меня, во мне тоже есть Бог." За это он был схвачен и подвергнут мучительной казни. Существует предание, что во время пыток он улыбался и сказал своим палачам: "Вы не можете оторвать меня от Него." Я думаю, что это легенда, более достоверны слова Христа: "Господи! Зачем Ты оставил меня?" Но легенда эта остается жить.

Для того чтобы обойти догматические положения ислама, надо было найти другой язык. И этот язык дала суфизму джахилийская поэзия. Джахилия значит невежество. Мы говорим язычество, а мусульмане время до ислама называют временем невежества. По-нашему говоря, языческая поэзия Древней Аравии содержала в себе традицию, оказавшуюся чрезвычайно пластичной для передачи мистического опыта. Это традиция застольной и любовной песен. Были два племени (а в племенном мире, как правило, существовало различие не индивидуумов, а племен). И вот одно племя воспевало в Древней Аравии чувственную любовь, но было и другое племя, воспевавшее любовь сильную, как смерть, любовь как сердечное чувство, убивающее человека просто внутренними переживаниями, как об этом сказано в Библии: "Сильна, как смерть, любовь". Мотивами этой поэзии вдохновился Гейне и написал стихотворение, а Чайковский – музыку:

**Я из рода бедных Азров –
Полюбив, мы умираем.**

Это точно соответствует характеру поэзии узритов ("а" и "у" можно переменить, в семитских языках вообще гласные не важны). В основном поэзия узритов и стала формой выражения суфизма. Иногда неблагоприятные условия приводят к удивительно плодотворным результатам. Благодаря тому, что открытое выражение суфийского богословия было чрезвычайно затруднено, возникла поэзия, неотделимая от вдохновения мистического, и мистицизм, неотделимый от поэзии. Вся суфийская традиция – это традиция, в которой потическое есть религиозное, а религиозное есть поэтическое. Наряду с любовной песней существовала песня застольная. Именно она вдохновила Гумилева на стихотворение "Пьяный дервиш" с припевом:

Мир лишь луч от лика друга,

все иное – тень его.

Припев подлинный. В Персии с этими словами шли на казнь. Это, можно сказать, символ веры одной из сект.

Мотивы любви и вина составляют плоть мистической поэзии лучших арабских и персидских поэтов. Сейчас в этих странах цветет отнюдь не поэзия. Но одержимость, захватившая сейчас Ближний Восток, это та самая одержимость, которая потрясла когда-то Россию. Просто клубок, вихрь страстей перекачивается с места на место. А в средние века у них была великая, замечательная культура.

Одного из самых знаменитых поэтов суфиев Ибн Аль-Фарида переводила Зинаида Миркина.

З.А.Миркина: Ибн Аль-Фарид был святым Средневековья. Тридцать лет он жил на горе, потом, как Моисей снес свои скрижали, так он снес свои поэмы. Поэмы были традиционно суфийские, они воспевали любовь и вино и ничто другое. И вместе с тем они воспевали Бога и никого другого. Бог их был так же конкретен, как фиал вина, как живая возлюбленная. А **ФИАЛ ВИНА, КАК И ЖИВАЯ ВОЗЛЮБЛЕННАЯ, НЕИСЧЕРПАЕМЫ, КАК САМ БОГ.** Вся сила здесь именно в этой конкретной связи конечного с бесконечным. **ЭТО ОЧЕНЬ ПРОСТОЙ ОПЫТ И БЕСКОНЕЧНО ТРУДНЫЙ ОДНОВРЕМЕННО.** Это та неслышанная простота, которая, как говорил Пастернак, "нужнее людям, но сложное понятней им." Поэтому это часто понималось либо не так, либо вовсе не понималось. Я буду читать отрывки из поэмы, начало звучит так:

**Глаза поили душу красотой.
О, мирозданья кубок золотой!
И я пьянел от всполоха огней,
От звона чаш и радости друзей.
Чтобы пьянеть, не надо мне вина,-
Я напоен сверканьем допьяна,-**

вот эта напоенность "сверканьем допьяна", напоенность красотой мира – это начало пути. Поэма называется "Путь странника". Странник – дух, душа, которая с земли, от своего смертного существования приходит к Богу, к Богу, необычайно конкретному, переживаемому так, как мы переживаем вкус хлеба.

Что такое причастие? Переживание всего собой. Но, однако, это уходит в какую-то абстракцию, становится пустой вялой символикой; но приходят поэты, напоминающие о том, что то, что мы называем абстракцией, – бесконечно конкретно. И Бог, бесконечность начинаются здесь, сейчас в этом конкретном бытии. Святой Симеон, новый Богослов сказал, что тот, кто не увидит Бога в этой жизни, не увидит его и в той. И начало пути к Богу – неременная полнота сердца и полнота любви. Человек ничего о себе не знает, кроме того, что он переполнен, и жажда заставляет идти дальше, неостывающая жажда. Думать, что можно придти к Богу без этой любви, причем любви обыкновенной, земной, которая священна тем, что она абсолютно полна, она не любовь к какой-то части, она любовь ко всему, об этом невероятно верно писал Соловьев – ошибка. Только Это; и в Это вмещается все. Это любовь к цветку, к дереву...

...Поэт любит то, что он видит, вдыхает, осязает. Сама любовь, ее полнота ведет поэта через зримое в незримое и через видимую смерть в невидимое бессмертие. И путь странника – это путь души к Богу, это путь любви в Любовь, но в Любовь иную. Это путь нарастания и преобразования любви, путь полного очищения любви от себялюбия. И путь этот вовсе не

только радостен, он невероятно труден. Войти к Богу, как сказал митрополит Антоний,- это "войти в пещеру к тигру". Как это далеко от прекраснодушия большинства верующих, которые ищут здесь утешения! Тигр АБСОЛЮТНО СЪЕДАЕТ, СЖИРАЕТ МАЛЕНЬКОЕ "эго", и только согласные на это могут войти в великое "Я", которое и есть Бог.

И только тогда, когда все преграды между любящими пали, когда они преодолены совершенно, тогда происходит настоящая встреча-слияние. Но ведь главной преградой является именно "эго", это "я". Так вот, когда "эго" не уплотняется, не растет, а, напротив, когда оно отдается, растворяется в великом "Я" любимого, тогда и происходит эта встреча. И любящему тогда ничего не надо от любимого, как нам ничего не надо от солнца, кроме его собственного света. Ничего больше! Тогда дух пришел к цели, тогда путь странника закончен. Но повторяю, начало пути – это великая жажда и невозможность ее одолеть ничем, кроме предмета жажды, невозможность отвлечься от сжигающего огня. Сейчас я прочитаю отрывки из Фариды. Начало я прочла ранее, а теперь – вот это переполнение, в котором он видит образ любимейшей, и внезапно все исчезает. Тогда поэт, только что находившийся на вершине блаженства, вдруг охвачен таким страданием разлуки, что кажется, оно ни с чем не сравнимо. Христианские мистики называют такое состояние богооставленностью. Вот как Фарид об этом говорит:

**О, если б так Синай затосковал,
В горах бы гулкий прогремел обвал.
И если б было столько слезных рек,
То, верно, Ноев затонул ковчег.
В моей груди огонь с горы Хорив
Внезапно вспыхнул, сердце озарив,
И если б не неистовость огня,
То слезы затопили бы меня.
Я жажду жаждой, хочет страсти страсть,
И лишь у смерти есть над смертью власть.**

**В страданье был я терпеливей всех.
Но лишь в одном терпенье – тяжкий грех:
Да не потерпит дух мой ни на миг
Разлуку с тем, чем жив он и велик.**

**Мой Бог – Любовь, любовь к тебе – мой путь,
Как может с сердцем разлучиться грудь?
Куда сверну, могу ли в ересь впасть,
Когда меня ведет святая страсть?**

Когда могла бы вспыхнуть, хоть на миг,

**Любовь к другой,- я был бы еретик,
Любовь к другой, - а не к тебе одной,-
Да разве мог я оставаться мной,
Нарушив клятву неземных оков,
Ту, что давал, еще не зная слов,
В преддверье мира, где покровов нет,**

Где к духу дух течет, и к свету свет?

И вот после клятвы ей одной и единственной, иначе и быть не может, идет то, что в духовной поэзии, в духовном мышлении всегда сбивает с толку, потому что духовное мышление – это мышление в многомерном пространстве. Мы же всегда сводим его в наш одномерный язык, и без метафоры здесь вообще нельзя обойтись; все Евангелие построено на антиномиях: "Не мир я пришел принести, но меч" и "Блаженны миротворцы". Точно также и мистическая поэзия. Только что мы говорили о любви к одной и единственной, но ничего нет страшнее, как остановиться вот здесь на этой одной, подумав, что она равна тому образу, который мы видим, и единственность находится в той глубине, в которой надо отыскать, которая и есть путь странника. Тот, кто будет поклоняться одной единственной иконе, тот будет поклоняться кумиру. Хотя можно только одну икону иметь перед собой и, поклоняясь этой иконе, дойти до ее Божественной сути, прекрасно зная, что ее образ только начало пути, только вход. Поэтому всякое мистическое осознание – это узнавание внутреннего за внешними образами.

**Кумиров чужд, от суеты далек.
С души своей одежды я совлек,
И в первозданной ясности стою,
Открывши наготу мою.
Чей взгляд смутит меня и устыдит?
Перед тобой излишен всякий стыд.
Ты смотришь вглубь, ты видишь сквозь покров
Любых обрядов, и имен, и слов.
И если даже вся моя родня
Начнет позорить и бранить меня,-
Что мне с того?- Мне родственны лишь те,
Кто благодетство видит в наготе.**

И вот еще один отрывок, главное в нем – это тема узнавания. Поэт берет образы многовековой поэзии, ставшие традиционными, это: Лейла, Меджнун, Лубна, Кайс.

**Так не стремись определить, замкнуть
Всецельность в клетку, в проявление – суть;
В бессчетных формах мира разлита
Единая живая красота.
То в том, то в этом,- но всегда одна,
Сто тысяч лиц,- но все они – она.
Она мелькнула ланью среди трав,
Меджнуну нежной Лейлою представ.
Пленила Кайса и свела с ума
Совсем не Лубна, а она сама...
С начала мира это было так
До той поры, пока лукавый враг
Не разлучил смутившихся людей
С душой, с любимой, с сущностью своей.
И ненависть с далеких этих пор
Ведет с любовью бесконечный спор.
И каждый век отыскивает вновь
Живую вечность вечная любовь.**

Г.С.Померанц: На том накале чувств, о котором мы говорим, различия между

вероисповеданиями становятся не большими, чем между Лейлой и Лубной. Приведу несколько примеров из проповеди Мейстера Экхарта на тему: "Ибо сильна, как смерть, любовь". Экхарт по типу своего мистического сознания был ближе к буддийскому опыту, у него больше акцентируется отрешенность, но мистическая отрешенность и мистическая любовь не противоречат друг другу, как мы это видим в стихах Фариды, они все время перекликаются. Вот отрывок из его проповеди: "Три вещи, которые совершает смерть в человеческом теле, совершает любовь в человеческом духе. Во-первых, смерть похищает и отнимает у человека все преходящие вещи, так что не может он уже как раньше ни обладать, ни пользоваться ими; во-вторых, проститься ему нужно со всеми духовными благами, радовавшими тело и душу, с молитвой, созерцанием и добродетелью, со святым паломничеством, словом, со всеми хорошими вещами, которые дают утешение, усладу и радость духовному человеку. Ничего этого он больше не может делать, подобно тому, кто мертв на земле, то есть ВСЯ ПЛОТЬ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ здесь испепеляется. В-третьих, смерть лишает человека всякой награды и достоинства, которые он мог бы еще заслужить, ибо после смерти не может он больше ни на волос продвинуться в царствии Божьем. Он остается с тем, что он уже здесь приобрел. Эти три вещи мы должны принять от смерти, ибо она есть расставание тела с душой. Но если любовь к Господу нашему сильна, как смерть, она также убивает человека в духовном смысле и по-своему разлучает душу с телом, но происходит это только тогда, когда человек всецело отказывается от себя, освобождается от своего "я" и таким образом разлучается сам с собой. Происходит же это силой безмерно высокой любви, которая умеет убивать так любовно. Но эта сладкая, отрадная смерть производит в человеке это лишь тогда, когда она настолько сильна, чтобы действительно убить его, а не сделать его только хилым, как случается со многими людьми, которые долго хиреют, прежде, чем умереть, другие умирают смертью скоропостижной."

В этом контексте – это лучший жребий. Вот как о том же пишет современный поэт Джебран Халиль Джебран. Он родился в 1883 году в Ливане, умер в 1931, писал на своем родном арабском, а потом – на английском, потому что жил в Америке, как и наш Владимир Набоков постепенно перешел на другой язык. В одной из притч: "Тогда спросила Альмира: "Скажи нам о любви". Он поднял голову, посмотрел на народ, и воцарилось молчание, тогда он сказал громким голосом: "Если любовь путеводит вас, следуйте за ней, хотя дороги ее трудны и тернисты; если она осенит вас своими крыльями, не противьтесь, даже если ранит вас меч, скрытый в ее оперении, даже если ее голос рушит ваши мечты, подобно тому, как северный ветер опустошает ваш сад, ибо любовь венчает вас, но она распинает вас, она растит вас, но она же и подрезает, она поднимается к вашей вершине и обнимает ваши нежные ветви, трепещущие в солнечных лучах, и она опускается к вашим корням, вросшим в землю, и сотрясает их. Как сноп пшеницы, она собирает вас вокруг себя, она обмолачивает вас, чтобы обнажить, она просевает вас, чтобы освободить вас от шелухи, она размалывает до белизны, она месит вас, пока вы не станете мягкими, а потом ввергает вас своему святому огню, чтобы вы стали святым хлебом для святого Божьего причастия. Все это творит с вами любовь, дабы вы познали тайны своего сердца и через это познание стали частью сердца жизни. И если, убоившись, вы будете искать в любви только лишь покой и усладу, то лучше вам прикрыть наготу и покинуть гумно любви, уйти в мир, не знающий времени года, где вы будете смеяться, но не от души, плакать, но не всласть. Любовь дает лишь себя и берет лишь от себя, любовь ничем не владеет и не хочет, чтобы кто-нибудь владел ею, ибо любовь довольствуется любовью. Если ты любишь, не говори: Бог в моем сердце, скажи лучше: Я в сердце Божьем. И не думай, что ты можешь править путями любви, ибо если любовь сочтет тебя достойным, она будет направлять твой путь. Единственное желание любви – обрести саму себя. Но если ты любишь и не можешь отказаться от желаний, пусть твои желания будут таять и походить на текущий ручей, что напевает ночи свою песню. Познавать боль от бесконечной нежности, ранить себя собственным постижением любви, истекать кровью охотно и радостно, подниматься на заре с окрыленным сердцем, возносить благодарность за еще один день

любви, отдыхать в полдень и предаваться размышлениям о любовном экстазе, возвращаться вечером домой с благодарностью и засыпать с молитвой за возлюбленного в сердце своем и песней хвалы на устах..."